

СЬЮ БЛЭК

ВСЕ, ЧТО ОСТАЛОСЬ

ЗАПИСКИ ПАТОЛОГОАНАТОМА
И СУДЕБНОГО АНТРОПОЛОГА

ИСТОРИИ ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Сью Блэк
Всё, что осталось. Записки
патологоанатома и
судебного антрополога
Серия «Спасая жизнь.
Истории от первого лица»

текст предоставлен правообладателю
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40711743
Сью Блэк. Всё, что осталось: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-114232-2

Аннотация

Что происходит с человеческим телом после смерти? Почему люди рассказывают друг другу истории об оживших мертвецах? Как можно распорядиться своими останками? Рождение и смерть – две константы нашей жизни, которых никому пока не удалось избежать. Однако со смертью мы предпочитаем сталкиваться пореже, раз уж у нас есть такая возможность. Что же заставило автора выбрать профессию, неразрывно связанную с ней? Сью Блэк, патологоанатом и судебный антрополог, занимается исследованиями человеческих останков в юридических и научных целях. По фрагментам скелета

она может установить пол, расу, возраст и многие другие отличительные особенности их владельца. Порой эти сведения решают исход судебного процесса, порой – помогают разобраться в исторических событиях значительной давности. Сью Блэк не драматизирует смерть и помогает разобраться во множестве вопросов, связанных с ней. Так что же все-таки после нас остается? Оказывается, очень немало!

Содержание

Введение	6
Глава 1	19
Глава 2	41
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Сью Блэк

Всё, что осталось

All That Remains

© Печатается с разрешения литературных агентств
Johnson & Alcock Ltd. и Andrew Nurnberg

© И. Д. Голыбина, перевод, 2018

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Введение

*«Смерть – не самая большая потеря. Гораздо
больше теряешь, когда что-то умирает внутри,
пока ты еще жив».*

**Норман Казенс, журналист
(1915–1990)**

Смерть и преувеличенная шумиха вокруг нее обросли таким количеством предрассудков, каким не может похвастаться никакой другой аспект нашей жизни. Смерть воспринимается как трагедия, как апофеоз страданий и несчастья, как чудовище, нападающее из темноты – тать в ночи. Мы даем ей туманные пугающие прозвища – Беззубая, Костлявая, Старуха с косой – и представляем себе в виде мрачного скелета в черном плаще с капюшоном, который должен прийти и одним смертельным взмахом отделить нашу душу от тела. Иногда это черный крылатый призрак, грозно витающий над нами, ее неминуемыми жертвами. И несмотря на то что смерть, вроде бы, женского рода, по крайней мере, в таких языках, как латынь, французский, испанский, итальянский, польский, литовский и норвежский, ее нередко изображают как мужчину.

К смерти принято относиться враждебно, потому что в современном мире она воспринимается как недруг, как чужак. Несмотря на громадный прогресс человечества, в наше вре-

мы вряд ли стали ближе к разгадке таинственной связи смерти и жизни, чем были столетия назад. Мы словно забыли, что такое смерть, и для чего она нужна: если наши предки считали ее, скорее, дружественной, то теперь мы предпочитаем относиться к ней как к нежеланному гостю, которого надо любой ценой избегать, пока это возможно.

Мы или обожествляем, или проклинаем ее, вечно разрываясь между двумя этими крайностями. В любом случае, мы предпочитаем поменьше о ней упоминать, словно из боязни, что тем самым ее приближаем. Жизнь добра, удивительна и прекрасна, смерть – это горе и тьма.

Добро и зло, награда и наказание, рай и ад, белое и черное – такой линнеевский подход ведет к тому, что мы начинаем, фактически, противопоставлять жизнь смерти, вытесняя последнюю – кстати, незаслуженно – на темную сторону.

В результате мы все сильнее ее боимся, словно смерть заразна, и, если привлечь ее внимание, может прийти за нами до того, как мы будем готовы проститься с жизнью. Мы можем скрывать свой страх за показной бравадой или шуточками на ее счет, в надежде обезопасить себя от ее когтей. Тем не менее, мы знаем: когда наступит наш черед, и она придет за нами, нам будет не до смеха. Вот почему с ранних лет человек лицемерит в ее отношении, высмеивая в один момент и почтительно склоняясь перед ней в другой. У нас складывается собственный язык, смягчающий острые углы и утишающий боль. Мы говорим об «утрате», о том, что кто-то

от нас «ушел», и с мрачным пиететом сочувствуем другим, когда они «теряют» близкого.

Я не «теряла» своего отца – мне совершенно точно известно, где он сейчас. Мой отец похоронен на вершине холма, на кладбище Томнахурч в Инвернессе, в красивом деревянном гробу, предоставленном Биллом Фрейзером, нашим семейным распорядителем похорон, который отец, скорее всего, одобрил бы, хотя мог счесть слишком дорогим. Мы положили его в яму в земле поверх полуразложившихся гробов его матери и отца, где остались к тому времени разве что кости и немногочисленные зубы, которые сохранились у них на момент кончины. Он не ушел, мы не лишились его и не потеряли – отец умер. Собственно, так даже лучше, чем если бы он и правда нас покинул – это было бы очень безрассудно и безответственно с его стороны. Его жизнь подошла к концу, и никакие эвфемизмы не смогут вернуть ее – вернуть моего отца – назад.

Будучи выходцем из семьи прямолинейных, рассудочных шотландских пресвитерианцев, где лопату называли заступом, а любую сентиментальность считали проявлением слабости, я с радостью воспринимаю тот факт, что их воспитание сделало меня прагматичной и толстокожей – в общем, приземленным реалистом. Размышляя о жизни и смерти, я не тешу себя иллюзиями и стараюсь быть искренней и правдивой, но это не значит, что мне все равно и что я не ощущаю боли и скорби или не сочувствую другим. Я лишь не

склонна к слезливой сентиментальности в отношении смерти и усопших. Как совершенно справедливо говорит Фиона, наш чудесный капеллан в Университете Данди, нельзя утешить красивыми словами, держась на почтительном расстоянии.

Почему, несмотря на всю искушенность нашего двадцать первого века, мы до сих пор предпочитаем прятаться за привычным надежным заслоном умолчаний и отрицания, вместо того чтобы задуматься, действительно ли смерть так страшна, чтобы всю жизнь ее бояться? Она совсем не обязательно бывает жестокой, мрачной и отвратительной. Смерть может быть милосердной, мирной и тихой. Возможно, дело в том, что мы ей не доверяем, потому что предпочитаем ничего о ней не знать и не стараемся в течение жизни познакомиться с ней поближе. В противном случае мы давно бы научились воспринимать смерть как неотъемлемую и фундаментальную составляющую жизненного цикла.

Мы рассматриваем рождение как начало жизни, а смерть – как ее естественный конец. Но что если смерть – начало новой фазы нашего существования? Кстати, именно на этом основано большинство религий, которые учат нас не бояться смерти, потому что за ней нас ждет новая, лучшая жизнь. Подобные убеждения много веков служили людям утешением, и, возможно, вакуум, возникший в результате возрастающей секуляризации нашего общества, во многом способствовал возрождению древнего, инстинктивного и необоснованного

отвращения к смерти и всему, что связано с ней.

Однако, вне зависимости от нашей веры, жизнь и смерть, несомненно, являются неразрывными элементами единого континуума. Одна не существует и не может существовать, без другой, и, как бы ни старалась современная медицина, от смерти никуда не деться. А раз мы никак не можем ее избежать, почему бы не постараться сосредоточиться на том, чтобы как можно лучше провести время от рождения до смерти – то есть, собственно, жизнь.

Именно здесь и лежит фундаментальное различие между судебно-медицинской патолого-анатомией и антропологической патолого-анатомией. Судебная патолого-анатомия устанавливает причину и обстоятельства смерти – конец пути, – в то время как антропологическая патолого-анатомия восстанавливает этот путь, со всеми его обстоятельствами. Наша работа заключается в том, чтобы объединить полученные сведения о жизни человека с его телесными останками. Судебно-медицинская и антропологическая патолого-анатомия выступают тут равноправными партнерами – так сказать, соучастниками.

В Великобритании антропологи – в отличие от судмедэкспертов, – это, как правило, ученые, а не врачи, и поэтому редко обладают достаточными медицинскими познаниями, чтобы определить причину или обстоятельства смерти. Однако, с учетом бурного развития науки, от судмедэкспертов также нельзя ожидать всеобъемлющей экспертизы. Получа-

ется, что антропологам отводится важная роль в расследовании серьезных преступлений, где имеются трупы. Антропологи помогают отыскивать зацепки, связанные с личностью жертвы, и могут помочь судмедэкспертам в установлении окончательной причины и обстоятельств смерти. Каждая дисциплина привносит в процесс собственные отличительные методы и навыки.

Например, однажды передо мной и судебным патологоанатомом на столе в морге оказались человеческие останки в стадии сильного разложения. Череп был расколот более чем на сорок перепутанных фрагментов. Моей коллеге, как специалисту-медику, следовало определить причину смерти, и она считала, что это, скорее всего, огнестрельное ранение. Но ей требовалось подтверждение. Окинув взглядом грудку осколков белой человеческой кости на сером металлическом столе, она сказала:

– Я даже не могу понять, что это за обломки, не говоря уже о том, чтобы собрать их вместе. Это твоя работа!

В подобных случаях роль антрополога заключается в том, чтобы определить, кем жертва могла быть при жизни. Кто это – мужчина или женщина? Высокого роста или низкого? Какого возраста? Какой расы? Есть ли на скелете следы каких-то травм или болезней, которые могли быть отражены в медицинской карте или у дантиста? Можно ли извлечь из костей, волос и ногтей вещества, которые укажут, где человек жил и какой пищей питался? Или, как в нашем случае,

можно ли собрать из осколков трехмерную модель, чтобы не только установить причину смерти – ей действительно оказалось пулевое ранение в голову, – но также и ее обстоятельства? Собрав всю информацию и сложив череп из обломков, словно пазл, мы установили личность погибшего молодого мужчины и предоставили наглядное свидетельство, в соответствии с которым входное отверстие от пули находилось на затылке, а выходное – на лбу, между глаз. Жертву убили выстрелом в упор; парня бросили на колени и приставили пистолет прямо к голове. Ему было всего пятнадцать, и единственной причиной убийства являлось другое вероисповедание.

В качестве еще одной иллюстрации символической взаимосвязи между антропологом и судмедэкспертом я хотела бы привести случай с другим несчастным юношей, которого до смерти забили подростки, собиравшиеся вскрыть машину, припаркованную напротив его дома. Юношу пинали ногами, нанесли сильнейший удар по голове и проломили череп в нескольких местах. Личность потерпевшего в данном случае была нам известна, и судмедэксперт установил причину смерти – удар тупым предметом, приведший к массивному внутреннему кровотечению. Однако требовалось уточнить, каким именно предметом мог быть нанесен тот решающий удар. Мы смогли идентифицировать все фрагменты черепа и реконструировать его; в результате судмедэксперт подтвердил, что парень погиб от удара молотком или

другим предметом подобной формы, который привел к вдавленному перелому черепа и множественным расходящимся трещинам, от чего и возникло смертельное внутричерепное кровоотечение.

Для некоторых промежутков между началом и концом жизни будет длинным, возможно, больше столетия, в то время как для других, например, тех жертв убийства, эти события окажутся разнесенными совсем недалеко. Иногда их могут разделять вообще лишь несколько секунд – быстротечных, но таких драгоценных. С точки зрения судебного антрополога, долгая жизнь хороша в том смысле, что на теле остается больше примет, связанных с ее условиями, которые можно впоследствии восстановить по останкам. Отыскивать такую информацию для нас все равно что читать книгу или загружать данные с флэшки.

С точки зрения большинства людей, короткая жизнь – самый плохой вариант из возможных. Но кому судить, какая жизнь коротка, а какая нет? Ведь совершенно очевидно, что чем дольше с момента рождения мы живем, тем выше вероятность, что нашей жизни вот-вот наступит конец: в девяносто мы, в большинстве случаев, ближе к смерти, чем в двадцать. Простая логика говорит, что мы никогда не будем дальше от смерти, чем в этот самый момент.

Почему же мы удивляемся, когда кто-то умирает? В год это происходит с 55 миллионами человек – по двое каждую секунду, – и нам прекрасно известно, что и нас это тоже

ждет. Этот факт ни в коем случае не умаляет нашей печали и скорби в случае смерти близких, но, все-таки, требует подходить к нему одновременно практично и реалистично. Раз мы не можем повлиять на свое рождение, а конец так и так неизбежен, почему бы не сосредоточиться на том, чем мы способны управлять, а именно – на ожиданиях относительно промежутка между ними. Возможно, именно им нам следует заниматься в первую очередь, осознавая и превознося его ценность, а не его продолжительность.

В прошлом, когда оттянуть смерть было куда сложнее, люди лучше справлялись с этой задачей. К примеру, в викторианские времена с их высокой детской смертностью, никто не удивлялся, если ребенок не доживал до своего первого дня рождения. Детям из одной семьи зачастую давали одно и то же имя, чтобы оно сохранилось, даже если кто-то из детей умрет. В двадцать первом веке детская смертность, конечно, стала гораздо ниже, однако удивляться тому, что кто-то скончался в возрасте девяноста девяти лет – против всякой логики.

Ожидания общества стимулируют медицину и дальше стараются максимально отдалять наступление смерти. Однако лучшее, что медики могут сделать – это дать нам больше времени, увеличив промежуток между рождением и кончиной. Из этой битвы победителями им не выйти, но они продолжают пытаться – в больницах по всему миру жизнь продлевают изо дня в день. Тем не менее, если смотреть на ве-

щи трезво, подобные медицинские ухищрения – это просто оттягивание конца. Смерть наступает; если она не пришла сегодня, то может прийти завтра.

На протяжении нескольких веков человечество фиксировало и измеряло продолжительность жизни, так что мы знаем – статистически – когда примерно умрем, или, выражаясь более позитивно, сколько нам предстоит прожить. Такие «таблицы жизни» – любопытный и полезный инструмент, но он таит в себе определенную опасность, поскольку формирует ожидания, которые у одних не оправдаются, а у других превзойдут изначальные. Мы не можем знать, станем ли тем самым усредненным Джоном, который проживет свою норму, или окажемся на одном из краев графика.

Когда же мы оказываемся с краю, то принимаем это очень близко к сердцу. Мы гордимся тем, что прожили дольше, чем нам предсказывали, поскольку считаем, что каким-то образом обманули судьбу. Если же мы не дотягиваем до предсказанного срока, то нашим близким кажется, что у них украли дорогого человека, и они испытывают горечь, злость и тоску. Как в любых сферах жизни, большинство из нас вписывается в норму, но несправедливо винить смерть в жестокости и беспощадности, когда она всего лишь напоминает, что продолжительность жизни может быть самой разной.

Самую долгую жизнь (из зарегистрированных и проверенных) прожила француженка Жанна Кальман, которой было 122 года и 164 дня на момент смерти в 1997 году. В 1930-м,

в год рождения моей матери, средний срок жизни женщин составлял шестьдесят три года, поэтому, умерев в семьдесят семь, она превысила норму на четырнадцать лет. С бабушкой было еще интересней: она родилась в 1898 году, и прогнозируемая продолжительность ее жизни составляла всего пятьдесят два года. Она прожила семьдесят восемь, то есть на двадцать шесть лет дольше, чему отчасти была обязана достижениям современной медицины – хотя сигареты наверняка приблизили ее конец. Мой прогноз – а я родилась в 1961-м, – был семьдесят четыре года; получается, сейчас мне остается еще каких-то семнадцать лет. Боже, до чего быстро летит время! Правда, с учетом моего образа жизни и нынешнего возраста, я вполне могу рассчитывать дожить до восьмидесяти пяти, так что лет двадцать пять или около того у меня пока есть. Уфффф!

Итак, в ходе жизни у меня появилась перспектива получить добавочные одиннадцать лет. Здорово? Не совсем. Видите ли, они не прибавились, когда мне было двадцать, или хотя бы сорок. Я получу эти годы, перевалив за семьдесят четыре. Выходит, добавку мы получаем в старости, а молодость продолжаем расходовать почему зря.

Расчеты прогнозируемой продолжительности жизни постепенно становятся все более точными, и мы знаем, что в следующих двух поколениях, моих детей и моих внуков, столетних будет больше, чем за всю историю человечества. Тем не менее общий срок жизни, которую человек может про-

жить, не увеличивается. Меняется средний возраст, в котором мы умираем, поэтому и наблюдается рост числа людей, попадающих на правый край графика. Другими словами, мы меняем кривую человеческой демографии. Развитие медицины и социального обеспечения ведут к старению населения планеты, что уже начинает сказываться на нашем обществе.

Хотя, как правило, долгая жизнь считается поводом для радости, я по временам спрашиваю себя, не является ли стремление прожить как можно дольше любой ценой просто затягиванием процесса умирания. Пускай прогнозируемая продолжительность жизни меняется, наступление смерти это не отменяет. Если же мы правда сможем победить смерть, то человеческий род и всю планету ждут огромные проблемы.

Работая изо дня в день рядом со смертью, я научилась относиться к ней с уважением. У меня нет никаких причин бояться ее присутствия или ее последствий. По-моему, я ее достаточно хорошо понимаю, поскольку общаюсь с ней напрямую, простым и ясным языком. Только когда она сделает свою работу, я могу приступить к своей – получается, благодаря ей я могу наслаждаться своей долгой, продуктивной и интересной карьерой.

Эта книга – не очередной избитый текст, посвященный смерти. Я не пошла по проторенной дорожке: не стала пересказывать громоздкие академические теории, сравнивать

разные культуры или разливаться в утешительных банальностях. Я просто постаралась описать разные лики смерти – те, которые мне довелось увидеть за прошедшие годы, а также тот единственный, который явится мне лет через тридцать, если она согласится ждать так долго. Именно к нему обращается судебная антропология в попытках восстановить через смерть историю прожитых лет, узнать не только о смерти, но и о жизни – этих двух неразделимых частях общего целого.

В ответ я прошу вас об одном: забудьте хотя бы ненадолго о своем отношении к смерти, о недоверии, ненависти и страхе, и, возможно, вы увидите ее такой, какой вижу я. Не исключено, что, познакомившись с ней, вы станете относиться к смерти добрее и перестанете бояться ее. На своем опыте могу сказать, что общаться с ней – захватывающе, увлекательно и никогда не скучно, но она достаточно капризна и подчас совершенно непредсказуема. Нам все равно нечего терять – встреча рано или поздно состоится, так что гораздо лучше будет столкнуться со смертью, которую вы уже знаете в лицо.

Глава 1

Молчаливый учитель

«Mortuis vivos docent»

(Мертвые учат живых)

Автор неизвестен

Начиная с двенадцати лет, я проводила субботы и все школьные каникулы по локоть в мясе, костях, крови и внутренностях. Мои родители придерживались суровой пресвитерианской этики, в соответствии с которой я, достигнув этого возраста, должна была подыскать себе подработку и получать собственные деньги. Я устроилась в мясную лавку при ферме Балнафеттак на окраине Инвернесса, где проработала пять лет. Это была моя первая работа, и я полюбила ее всей душой. Меня несколько не тревожил тот факт, что большинство моих друзей, подрабатывавших в аптеках, супермаркетах и магазинах одежды, считали этот выбор странным — пожалуй, даже отталкивающим. Я сама тогда еще не знала, что выберу патолого-анатомию своей профессией, но теперь, оглядываясь назад, расцениваю ту работу как часть плана, придуманного для меня судьбой, о котором ни я, ни они не имели пока ни малейшего представления.

Работа у мясника оказалась отличным подготовительным плацдармом для будущего анатома и антрополога, а также

захватывающим и увлекательным занятием. Мне нравилась хирургическая точность мясницкого мастерства. Я научилась множеству вещей: как делать фарш, как вязать сосиски и – самое главное! – как готовить мясникам их любимый чай. Я смогла оценить всю важность правильной заточки лезвия, следя за тем, как они стремительно и ловко зачищали кости, отделяя темно-красную мышечную ткань от белоснежного скелета под ней. Они всегда знали, где резать, чтобы красиво свернуть мясо в брикет или разделить на аппетитные стейки. Было что-то успокаивающее в их уверенности: анатомия не таила для них никаких сюрпризов. Исключения случались крайне редко – помню, как-то раз один из мясников чертыхнулся себе под нос, наткнувшись на какой-то «непорядок». Похоже, у овец и коров внутреннее строение все-таки могло варьироваться, как у людей.

Я узнала, что такое связки и почему их надо удалять; где между слоями мышц проходят сосуды, которые мясник вырезает; как избавиться от «ворот» – жесткого узла над почкой, который невозможно прожевать, и как сделать разрез на суставе между двух костей, чтобы выпустить из него стекляннистую скользкую синовиальную жидкость. Я навсегда запомнила, что когда у тебя замерзли руки – а в мясной лавке они мерзнут всегда, – ты ждешь не дожدهшься, пока привезут свежий ливер, еще теплый, прямо с бойни. Погружая руки в ящик, ты, на мгновение, снова чувствуешь их – теплая коровья кровь ненадолго размораживает твою собственную.

Я научилась никогда не грызть ногти, никогда не класть нож на колоду лезвием вверх и поняла, что тупые лезвия провоцируют больше травм, чем острые, – хотя от острых, если все же допустить ошибку, ущерб куда больше. Я до сих пор наслаждаюсь, разглядывая витрины мясных лавок с их очевидным анатомическим раскладом, где все отрубы отделены, зачищены и подготовлены в точности так, как следует, и с удовольствием слушаю, как свистит в воздухе нож мясника.

Мне очень жаль было расставаться с той работой. Я настолько боготворила своего учителя биологии, доктора Арчи Фрейзера, что когда он сказал мне оттуда уйти, я ушла. А когда посоветовал поступать в университет – я поступила. Я понятия не имела, что собираюсь изучать, поэтому пошла по его стопам и решила заниматься биологией. Первые два года в Университете Абердина пролетели для меня в тоскливом тумане бесконечной химии, зоологии (я даже провалила первый экзамен), почвоведения, психологии, общей биологии, гистологии и ботаники. Под конец я пришла к выводу, что лучше всего ориентируюсь в ботанике и гистологии, однако перспектива посвятить свою жизнь растениям меня совсем не радовала. Получалось, надо выбирать гистологию – науку о человеческих клетках. Однако по завершении спецкурса мне хотелось одного – никогда больше не приближаться к микроскопу, превращавшему все вокруг в аморфные розовые и красные пятна. Тем не менее гистология проложи-

ла мне путь в анатомию, где, как все мы знали, надо было резать человеческие трупы. Мне только-только исполнилось девятнадцать, и я никогда раньше не видела мертвецов, но была уверена, что для девочки, которая пять лет разделявала туши в мясной лавке, это не составит особого труда.

На самом деле, моя субботняя подработка очень мало подготовила меня к тому, что нам предстояло. Первый поход в анатомический театр всегда производит на студентов глубокое впечатление. Это тот самый момент, который невозможно забыть, настолько он потрясает все ваши чувства. В группе нас было всего четверо, и я до сих пор помню эхо наших голосов, гулко разносившееся по просторному помещению с высокими потолками, большими окнами с матовым стеклом и роскошным викторианским паркетным полом – при других обстоятельствах оно вполне сошло бы за концертный зал. Точно так же я до сих пор чувствую запах формалина, такой густой, что его, казалось, можно было ощутить на вкус, и вижу тяжелые столы из стекла и металла с облезающей серой краской – их там было сорок или около того, расставленных ровными рядами и покрытых белыми простынями. На двух столах, под простынями, лежали тела, ожидавшие нас, по одному на каждую пару студентов.

Этот первый опыт меняет также ваше восприятие – себя и других. Каким мелким и незначительным чувствуешь себя, осознавая, что другой человек, при жизни, передал свое тело, после смерти, другим, чтобы те могли учиться. Благо-

родство этого жеста для меня никогда не померкнет. Если однажды я перестану воспринимать его как настоящее чудо, то предпочту отложить в сторону скальпель и заняться чем-нибудь другим.

Нам с моим напарником по имени Грэхем досталось в случайном порядке тело безымянного донора – скрупулезно подготовленное для нас техником-анатомом, – на котором нам предстояло изучать анатомию в течение целого академического года. Мы решили называть его Генри, в честь Генри Грея, автора *Анатомии Грея* – книги, которая с тех пор сопровождает меня всю жизнь. Генри, выходец откуда-то из Абердина, был на пороге восьмидесятилетия на момент смерти и заранее завещал свое тело кафедре анатомии в университете в целях исследований и обучения. Обучения нас, Грэхема и меня.

С отрезвляющей ясностью я осознала, что на момент, когда Генри принял свое решение, я, его будущая ученица, понятия не имела о его бесконечно щедром даре, определившем мою дальнейшую судьбу. Скорее всего, я тогда вскрывала в зоологической лаборатории крыс, горько оплакивая свою участь, поскольку мне это совсем не нравилось.

Когда он умер, я могла резать очередной стебель или лист из нескончаемого университетского списка, чтобы изучить их клеточную структуру, и ничего не знала о его смерти. Каждый год, обращаясь к студентам первого и второго курса, готовящимся на третьем заниматься в анатомическом те-

атре, я говорю, что человек, на котором – и у которого – они будут учиться, сейчас еще жив. Возможно, в этот самый день он примет решение передать свои останки нам, для образовательных целей. Я всегда чувствую, как замирает, затаив дыхание, вся аудитория, осознавая грандиозность этой мысли. Что если человек, прошедший мимо тебя этим утром, окажется через год перед тобой на анатомическом столе? Такой грандиозно щедрый жест со стороны абсолютного незнакомца просто невозможно воспринимать как должное!

В качестве причины смерти Генри был указан инфаркт; его тело забрали из больницы, где он скончался, и перевезли к нам, на кафедру анатомии. Была ли у него семья, поддержала ли она его решение, как родственники отнеслись к отсутствию традиционного ритуала похорон – ничего этого мы не знали.

В выложенной плиткой темноватой безликой лаборатории в подвале анатомической кафедры Колледжа Маришала, через несколько часов после смерти Генри, Алек, наш техник, снял с тела одежду, обрил голову и закрепил на мизинцах рук и ног латунные номерки. Номерки должны были оставаться на трупe все время, пока он находился в университете. Дальше Алек сделал в паху надрез длиной около шести сантиметров, иссек часть мышцы и жира и отыскал бедренную артерию и вену на участке, именуемом бедренным треугольником. Он сделал еще один надрез, на вене, и еще, на артерии, куда вставил канюлю и закрепил ее на месте. Ко-

гда канюля была зафиксирована, в ней открылся клапан и формалиновый раствор потек по разветвленной артериальной системе из емкости, подвешенной над телом.

Бальзамирующий раствор по кровеносным сосудам добрался до каждой клеточки тела: до нейронов в мозгу, позволявших Генри думать о том, что его интересовало, до пальцев, державших руку любимого человека, до горла, произнесшего его последние слова – может, каких-то пару часов назад. Прокладывая себе дорогу, формалин вытеснял из сосудов кровь. Через два-три часа такого безмолвного бальзамирования, тело поместили в пластиковый мешок и отправили на хранение, пока оно не понадобится: через несколько дней, недель или месяцев.

За этот короткий промежуток времени Генри, по собственной воле, превратился из человека, которого другие знали и любили, в безымянный труп с идентификационным номерком. Анонимность в данном случае очень важна: она защищает студента, помогает ему мысленно отстраниться от факта смерти и сосредоточиться на выполняемой работе. Приступая к анатомированию трупа, он не должен терзаться сочувствием, а должен, сохраняя уважение и заботясь о достоинстве усопшего, все-таки привыкать рассматривать мертвое тело как обезличенную оболочку.

Когда Генри настало время сыграть свою роль в нашем анатомическом театре, его переложили на каталку, подняли вверх в старом трясущемся скрипучем лифте, водрузили на

один из столов и накрыли белой простыней, где он дожидался, молча и терпеливо, прихода студентов.

Сейчас мы прикладываем немало усилий, чтобы первая попытка анатомирования трупа стала для студентов хоть и запоминающейся, но все-таки безболезненной. Как правило, никто из них – как и я в свое время – до того с трупами не сталкивается. В 1980 году, когда я впервые оказалась в анатомическом театре, для нас не проводили вводных занятий и не знакомили постепенно с телом, которое должно было стать нашим молчаливым учителем на следующие несколько месяцев. Мы, все четверо, были просто перепуганными третькурсниками, которые с утра в понедельник явились на занятие, вооружившись разве что томиками *Клинической анатомии Шелла для студентов-медиков* и *Руководством Каннингема по практической анатомии*, да набором жутковатых инструментов, завернутых в салфетку цвета хаки, и остались сами по себе, брошенные на произвол судьбы, получив указание начинать с первой страницы *Руководства*. Мы не пользовались ни перчатками, ни защитными очками, а наши халаты быстро приняли самый неприглядный вид, поскольку нам не разрешалось выносить их из здания, чтобы постирать. Теперь, конечно, все по-другому.

У себя на столе мы с Грэхемом обнаружили целую коллекцию губок, которые – как мы быстро разобрались, – постоянно требовались для удаления лишней жидкости в ходе анатомирования. Губки очень часто приходилось выжимать.

Под столом стояло ведро из нержавеющей стали, куда по завершении работ следовало собирать фрагменты тканей. Все части тела должны были оставаться вместе, даже мелкие обрезки кожи и мышц, чтобы при последующей отправке на похороны или кремацию оно было максимально целостным. Молчаливым стражником рядом с нами, застывшим в ожидании, стоял еще один важный учитель: человеческий скелет, с помощью которого мы могли разобраться, что находится у Генри под кожей и мускулами.

Первым навыком, которым нам предстояло овладеть, желательным не отрезав себе пальцы, было надевание лезвия скальпеля на ручку. Для этого следовало совместить тонкую бороздку на лезвии с краем ручки, а потом пинцетом завести его внутрь до щелчка, для чего требовалась немалая ловкость и тренировка. То же самое казалось его извлечения. Мне не раз приходила в голову мысль, что крепление можно было и усовершенствовать.

Если вы режете труп и вдруг замечаете, что из него течет ярко-красная артериальная кровь, помните, что кровотечений у трупов не бывает. Вы просто разрезали себе палец. Лезвия скальпелей такие острые, а в помещении так холодно, что вы не чувствуете, как порезались. Поэтому первым признаком нанесенной травмы становится алая кровь, растекающаяся по бежевой забальзамированной коже. Заражение вам, скорее всего, не грозит, поскольку труп забальзамирован, а значит, его ткани практически стерильны. Тем

не менее управляться с острыми маленькими лезвиями, когда пальцы у вас холодные и скользкие от подкожного жира, весьма нелегко. В настоящее время мы тщательно следим за тем, чтобы в анатомическом театре постоянно имелся запас пластырей и хирургических перчаток.

Когда лезвие, наконец, насажено на ручку, а из порезанного пальца перестала течь кровь, вы склоняетесь над столом и тут же ощущаете, как глаза начинают слезиться от густых паров формалина. В руководстве сказано, где резать, но ничего не говорится о том, как глубоко и с каким нажимом. Никто не напоминает вам для начала «прощупать» Генри, чтобы разобраться, откуда резать и куда, все инструкции кажутся какой-то бессмыслицей. Вам становится страшно и слегка неловко. Вы замираете, готовясь сделать первый надрез, в центре грудины, от впадины у основания шеи до нижнего края грудной клетки. Кто будет резать, а кто смотреть? Руки трясутся. Этот первый надрез остается в памяти у каждого студента, каким бы искусственным он ни притворялся. Я и сейчас, прикрыв глаза, с легкостью могу вспомнить, как это было, и как невозможно Генри перенес наше неумелое вмешательство.

Пока твой безмолвный учитель лежит перед тобой, дожидаясь прикосновения скальпеля, ты про себя извиняешься перед ним за то, что собираешься сделать, потому что боишься все испортить. Скальпель в правой руке, щипцы в левой... на какую глубину прорезать? Не случайно большин-

ство студентов начинают разрез с грудины. Костная ткань здесь так близко подходит к коже, что, как бы вы ни старались, испортить практически ничего нельзя. Нельзя прорезать слишком глубоко. Вы опускаете лезвие и осторожно проводите по груди, оставляя тоненький бледный след.

Удивительно, насколько легко режется кожа. На ощупь она гладкая, прохладная и влажная, и, по мере того как она отделяется от тканей, под лезвием вы можете заметить бледно-желтый слой подкожного жира. Теперь уже чуть более уверенно, вы режете от грудины в стороны, вдоль ключиц, по направлению к плечу – выполняете свое первое вскрытие. Столько тревожного предвкушения, а потом в один момент – раз! – и все закончено. Мир вокруг словно замирает. Вас охватывает невероятное облегчение; только в этот момент вы понимаете, что в течение всего процесса вообще не дышали. Сердце колотится, в крови бушует адреналин, и вы с удивлением осознаете, что теперь испытываете не страх, а огромный интерес.

Пора переходить к анатомированию тканей. Вы начинаете отворачивать кожу, аккуратно приподнимая ее за край возле грудины, где сходятся вместе две части верхней перекладины воображаемой буквы «Т», в форме которой сделан надрез. Вы придерживаете кожу щипцами, стараясь давить на скальпель ровно с тем усилием, которое требуется, чтобы отделить ее от мышцы. Собственно, резать вообще не приходится. Желтоватый жир, соприкасаясь с вашими теплыми

пальцами, тает и растекается. Удерживать скальпель и щипцы становится гораздо сложнее, и вся недавняя уверенность рассеивается как дым, когда кожа выскальзывает из щипцов, а жир с формалином брызгают вам в лицо. Никто вас о таком не предупреждал. Пахнет формалин отвратительно, но на вкус он еще хуже. Надо постараться, чтобы это больше не повторилось.

Продолжая отворачивать кожу, вы замечаете крошечные красные точки и понимаете, что перерезали небольшой кровеносный сосуд. И тут к вам приходит осознание невероятной сложности человеческого организма и необъятности информации, которую он содержит. Еще вчера вы в недоумении вопрошали себя, как можно посвятить целый год анатомированию мертвого тела, и для чего нужен учебник в трех томах с подробными инструкциями. Теперь вам становится ясно, что за год вы разве что поверхностно коснетесь предмета своего изучения. А еще вы понимаете, что никогда не запомните всего, что вам предстоит выучить, не говоря уже о том, чтобы до конца понять.

Вы сжимаете щипцы немного сильнее, и лезвие врезается в соединительную ткань под неверным углом, хотя кажется, что скальпель к ней едва прикоснулся. Обнажаются мышцы, а под ними – белые хрящеватые стенки грудины, похожие на решетку для тостов. Взгляд скользит по ребристой поверхности, а пальцы – по мышцам и костям. Вы начинаете распознавать и вспоминать названия отдельных костей – частей

человеческого скелета, – и вот уже, сами того не замечая, переходите на язык, понятный анатомам по всему миру, язык, которым говорил когда-то Андреас Везалий, ученый XIV века, основатель современной анатомии и моя первая девичья любовь.

Поначалу забальзамированная мышца кажется однородной светло-коричневой массой (до странности похожей на консервированного тунца), но стоит присмотреться, и вам открывается ее рисунок, в котором можно различить направление волокон и тонкие ниточки нервов, обеспечивающих ее движение. Вы прослеживаете исходную и конечную точки, в которых мышца крепится к кости, и быстро понимаете, какое действие она выполняет, поражаясь ее инженерному совершенству. Как живое существо, вы чужды смерти, но чарующая прелесть человеческой анатомии словно прокладывает для вас мост в мир мертвых – мост, по которому мало кто сможет пройти, но, пройдя, никогда не забудет. Первый поход по этому мосту – уникален, потому что больше уже не повторится. Это особенный момент.

Приступив к курсу анатомии, студенты сразу же разделяются на два лагеря: тех, кто ее любит, и тех, кто ее ненавидит. Очарование этого предмета заключается в его логике и порядке; минусом является гигантский объем информации к усвоению – ну и, конечно, вонь формалина. Если очарование перевешивает минусы, анатомия проникает к вам в душу и вы начинаете ощущать свою исключительность, принадлеж-

ность к элите: к тем, кому открылись секреты человеческого тела, и кому безымянные завещатели позволили заглянуть внутрь себя. Конечно, у этой науки имеются свои отцы-основатели – Гиппократ и Гален, их последователи – Леонардо да Винчи и Везалий, но ее настоящими героями являются, безусловно, потрясающие мужчины и женщины, которые передают студентам свои мертвые останки, чтобы те могли учиться: наши уникальные доноры.

Анатомия рассказывает нам не только о том, как работает человеческий организм. Она говорит о жизни и смерти, человечности и альтруизме, достоинстве и уважении; она требует работы в команде и внимания к деталям, учит терпению, спокойствию и хирургическому мастерству. Мы взаимодействуем с человеческим телом на тактильном и очень, очень личном уровне. Никакие учебники и модели, никакая компьютерная графика не сравнятся с анатомированием трупов в том, что касается овладения нашим мастерством. Это единственный способ его освоить, если вы собираетесь стать профессиональным анатомом.

Эту науку, в прошлом, одновременно и демонизировали, и обожествляли. Со славных времен ранних анатомов, от Галена до Грея, и вплоть до наших дней, корыстолюбивые злоумышленники пытались обогатиться за ее счет. Преступления Берка и Хейра, которые в XIX веке в Эдинбурге убивали людей, чтобы поставлять трупы в анатомические школы,

привели к принятию в 1832 году так называемого Анатомического Акта. Совсем недавно, в 1998 году, скульптор Энтони-Ноэль Келли угодил в тюрьму за кражу человеческих останков из Королевского Хирургического Колледжа; процесс над ним привлек большое внимание как к этике искусства, так и к законодательному статусу человеческих останков, передаваемых медикам для научных целей. В 2005 году в Америке закрылась компания, выпускавшая перевязочные материалы: ее президент был обвинен в незаконном похищении частей человеческого тела и продаже их медицинским организациям. Похоже, анатомия тоже подчиняется законам спроса и предложения – по крайней мере, для мошенников, чуждых представлениям об уважении и достоинстве. Вот почему мы так оберегаем своих доноров, и почему их защищает парламентский акт.

Смерть – это деньги, а там, где замешаны деньги, всегда найдутся люди, готовые переступить черту, чтобы ими завладеть. С учетом того, что во многих странах продажа человеческих останков считается легальной, а многочисленные организации по всему миру готовы дорого заплатить даже за обычный человеческий скелет, неудивительно, что старинное преступление – расхищение гробниц – совершается и в наши дни, хоть и в другой форме. Когда я была студенткой, в 1980-х, большинство скелетов, на которых мы учились, поставлялось из Индии, долгое время считавшейся главным источником костных останков для медицинских институтов.

Хотя индийское правительство в 1985 году запретило такой вид импорта, черный рынок человеческих трупов процветает там до сих пор. В Великобритании мы, совершенно оправданно, выступаем против торговли костями и любыми другими частями тела.

Представления о том, что допустимо, а что – нет, относительно обращения с человеческими останками, с течением времени изменяется, как и любые другие наши взгляды, и порой эти изменения происходят достаточно быстро. Скелеты, которыми сейчас пользуются британские студенты, это в основном пластмассовые копии, и хотя настоящие человеческие кости до сих пор можно отыскать в пыльных кладовых школьных лабораторий, в приемных врачей и пунктах скорой помощи, большинство организаций, владеющих ими на вполне законных основаниях, стараются от них избавиться. Многие предпочитают передавать их в местные медицинские школы, за что взамен получают искусственные человеческие скелеты.

В отличие от своих предшественников, современные анатомы могут не торопиться в процессе вскрытия и препарирования человеческого тела, поэтому мы извлекаем гораздо больше пользы из полученных трупов, изучая их в мельчайших подробностях – все благодаря столетиям исследований, посвященных их сохранению и приостановке процесса разложения. Еще на заре нашей науки анатомы, получавшие для изучения трупы, только-только снятые с виселицы, искали

способ сохранить их подольше, применяя для этого технологии, разработанные пищевой промышленностью, в частности замачивание в алкоголе или солевом растворе, замораживание и сушку.

После смерти лорда Нельсона в битве при Трафальгаре в 1805 году, его тело погрузили в бочку с бренди и доставили домой, чтобы с почестями похоронить. Замачивание в алкоголе оставалось наиболее распространенным методом консервации вплоть до открытия в конце XIX века опасного химиката под названием формальдегид, совершившего переворот в сфере анатомирования трупов. Формальдегид – это дезинфектант, биоцид и консервирующий агент, действующий настолько эффективно, что его водный раствор, формалин, до сих пор является самым распространенным в мире консервантом.

Однако, достигая определенной концентрации, формальдегид становится опасен для здоровья, поэтому в последние десятилетия ведутся активные поиски его замен. В анатомии стала шире применяться заморозка: тело разделяют на части, которые замораживают, а затем размораживают непосредственно перед препарированием, а также методы мягкого консервирования, после которых ткани остаются более податливыми и приближенными к текстуре живого человеческого организма. В 1970-х анатом Гюнтер фон Хагенс изобрел пластинацию, при которой из тела с помощью вакуума извлекают все жидкости и жир, заменяя их полимерами.

Такие останки можно хранить вечно – похоже, у нас появился новый фактор загрязнения окружающей среды.

Однако каких бы высот мы не достигли в сфере технологий для сохранения человеческого тела или его изучения с помощью разных видов сканирования, анатомия как таковая, естественно, не изменилась. То, что видели внутри вскрытого трупа Везалий в 1540 году или Роберт Нокс в 1830-м, видели и мы с Грэхемом в наши студенческие годы, анатомируя Генри. Однако, поскольку Везалий и Нокс могли работать только со свежими останками, у них было слишком мало времени, так что вряд ли между ними и тем, кого они препарировали, возникали такие же узы доверия и уважения, как – к счастью! – сложились у нас с Генри. А может, все дело в общественных и культурных традициях, сильно изменившихся за прошедшие годы.

Для меня в мире нет и не может быть другого Генри; точно так же для любого анатома его собственный Генри всегда уникален. В тот год благодаря ему я узнала массу вещей не только о человеческой анатомии, но и о самой себе. Когда придет мое время оглядываться назад и вспоминать моменты наибольшего счастья и удовлетворения, мыслями я всегда буду обращаться к Генри. Конечно, за тот год случались и неприятности – я бы солгала, сказав, что их не было. Я терпеть не могла резать ногтевые ложа у него на пальцах рук и ног, словно боясь – иррационально – причинить ему боль. Да и промывание пищеварительного тракта, честно говоря,

не та процедура, которой хочется насладиться повторно.

Однако для меня интерес к изучению его тела в разы перевешивал эти малоприятные эпизоды, равно как и щекочущее ощущение страха, которое охватывает тебя, когда ты начинаешь осознавать, сколько всего предстоит сделать: обнаружить и заучить на память 650 мышц с их точками прикрепления, нервными волокнами и основными функциями, выделить более 220 нервов – автономных, краниальных, спинальных, сенсорных и моторных, найти сотни поименованных артерий и вен, разветвляющихся от сердца и возвращающихся к нему, места их разделения и связанные с ними структуры в мягких тканях. А как насчет 360 суставов, не говоря уже о желудочно-кишечном тракте, эмбриологии тканей и нейроанатомии с ее проводящими путями?

Стоит вам решить, что вы ухватили нужный орган, как он выскальзывает из пальцев, словно мыло под душем, и все приходится начинать заново. Просто возмутительно! Однако такое постепенное освоение практической и теоретической информации – единственный способ изучить и понять грандиозно сложное устройство человеческого организма. Анатому не надо быть особенно умным: достаточно иметь хорошую память, продуманный учебный план и развитую пространственную ориентацию.

Генри допустил меня ко всем потайным уголкам своего тела, позволив изучать его анатомические особенности (отдельное спасибо его аберрантной поверхностной надчревной

артерии – я ее никогда не забуду!), удивляться, натываясь на структуры, которые вдруг оказывались мне не известны, и пробиваться к практически невидимой парасимпатической нервной системе. Он все переносил стоически, никогда меня не подводил и не внушал ощущение собственной глупости, со временем стало ясно, что я теперь знаю о нем больше – в определенном смысле, – чем знал о себе он сам.

Я обнаружила, что он не курил (легкие были чистые), не увлекался спиртным (печень сохранилась в отличном состоянии), хорошо питался, но не переедал (он был высокий и стройный, без излишков подкожного жира, но и не истощенный), почки казались здоровыми, в мозгу не было опухолей и никаких признаков аневризмы или ишемии. В качестве причины смерти был указан инфаркт миокарда, однако мне его сердце показалось вполне сохранным. Хотя кто знает? Я училась всего лишь на третьем курсе.

Возможно, он умер просто потому, что пришел его час, и в свидетельстве о смерти написали лишь вероятную причину. Зачастую при анатомировании указанная причина смерти часто приводит студентов в недоумение: добравшись до якобы пострадавшего органа, они не обнаруживают никаких патологий или аномалий. Когда кончина наступает просто от старости, а человек заранее завещает свое тело для изучения, причина смерти заведомо является лишь предположением. Для того чтобы установить ее наверняка, надо провести вскрытие, но после него тело не будет годиться для ана-

томирования – в противовес желанию усопшего. Поэтому, если обстоятельства не вызывают подозрений и соответствуют возрасту умершего, в свидетельстве обычно указывают инфаркт, инсульт или пневмонию – ее еще называют «другом стариков».

К моменту, когда мы закончили препарировать тело Генри, от макушки до пят, у него не осталось ни одного сантиметра, досконально нами не изученного. Ни одной части, которую мы бы не рассмотрели в книгах, отыскали, обсудили, проверили и перепроверили. Я была очень горда этим мужчиной, которого никогда не знала живым, дышащим, говорящим, деятельным, но с которым теперь познакомилась настолько глубоко, что, казалось, знала его лучше всех на свете. Все, чему он меня научил, останется со мной навсегда.

Через несколько месяцев наступило время попрощаться и пообещать Генри, что все полученные от него знания я использую в благих целях. Церемония прощания проходила в часовне Королевского Колледжа в Абердине, где мы благодарили всех, кто завещал нам свои тела, в присутствии их родственников и друзей, преподавателей и других студентов. Я не могла догадаться, когда зачитывали их имена, какое из них принадлежало Генри. Сидя на жесткой деревянной скамье на хорах, я рассматривала гостей, гадая, кто из скорбящих родственников сейчас плачет по нем. Кто из сидящих на истертых церковных скамейках – его *amicus mortis*, друзья в смерти? Я очень надеялась, что Генри не умер в оди-

ночестве. Гораздо приятнее было думать, что он скончался в окружении близких, что кто-то держал его за руку и говорил, как его любит.

Все анатомические кафедры Шотландии ежегодно устраивают такие службы. Так мы отдаем дань уважения своим завещателям и показываем их родным и друзьям, насколько ценен этот дар, насколько мы им дорожим и как он важен для обучения следующих поколений.

Глава 2

Наши клетки и мы целиком

«Без систематического изучения смерти наука о жизни не будет полной»

*Илья Мечников, микробиолог
(1845–1916)*

Что такое человек? Одно из моих любимых определений гласит: «Человек принадлежит в группе сознательных существ, состоящих из углерода, живущих в солнечной системе, непросвещенных, заблуждающихся и смертных».

Странно, какое испытываешь облегчение, получая разрешение пробовать и ошибаться – ведь ты всего лишь человек. Никому из нас ничто не удастся с первого раза, и никому не отведен бесконечный срок, чтобы доводить каждое дело до совершенства, поэтому приходится смириться с тем, что в нашей жизни будут и взлеты, и падения. С некоторыми задачами мы справимся на отлично, а некоторые так и не сможем осилить и только потратим на них свое драгоценное время.

В фильме *Пегги Сью вышла замуж* есть один забавный момент, отражающий вечное человеческое желание заглянуть в будущее, чтобы понять, на чем сосредоточиться в настоящем, чтобы в дальнейшем оно оказалось полезным. «Понимаете, я же знаю, – говорит Пегги Сью преподавателю

математики после контрольной, – алгебра мне абсолютно не пригодится – я совершенно точно говорю». Перспективное планирование в условиях, когда мы и понятия не имеем о том, что нас ждет впереди – занятие непростое, и хотя в молодости оно представляется очень важным, с возрастом начинаешь ощущать, что годы летят все быстрее, и понимаешь, сколько не успел совершить.

Сознание – вот, пожалуй, наша сама главная отличительная особенность. Благодаря ему мы осознаем сами себя, получаем уникальную способность к интроспекции и, соответственно, отличаем себя от других. С самоидентификацией, распознаванием себя, связана самая запутанная область психологии. В 1950-х психолог Эрик Эриксон определил личностную идентичность как: «Либо а) социальную категорию, определенную правилами группы и (связанными с ней) характерными признаками и ожидаемым поведением, либо б) социальные отличительные черты, которыми человек особенно гордится или считает неизменными, но социально опосредованными (или а) и б) одновременно)».

Ученые считают, что чувство собственной идентичности – это проявление зрелого представления о себе, которое позволяет нам формировать сложные общественные связи. Оно помогает нам – до некоторой степени – выражать свою индивидуальность, а другим – мириться с ней, поскольку все мы можем проявлять свою подлинную сущность: то, какими мы хотим быть и какую позицию занимать. Благодаря этому мы

можем объединяться с единомышленниками и отстраняться от тех, с кем не хотим идентифицировать себя. Такая свобода индивидуальности дает человеку уникальную возможность играть со своей идентичностью, манипулировать ею и даже изменять в целом концепцию своего «Я». Однако я считаю, что Эриксон упустил еще одну, очень важную категорию идентичности, причем ту, играть с которой интереснее всего: нашу физическую идентичность.

Если человек, как вид, отличается в физическом смысле от других видов, то этот же подход может быть применен и к его различению от другого человека. Важность идентичности для нашего общества, а также тот факт, что ею можно манипулировать, ставит ее во главу всех наук, связанных со следственными действиями, в том числе и моей судебной антропологии, занимающейся идентификацией человека, или его останков, в судебно-медицинских целях.

Как можно доказать, на основании биологических и химических особенностей организма, что мы те, кем себя считаем, и что теми, кем мы себя считаем, мы являлись всегда? В моей профессии имеется целый набор техник для установления личности неопознанного тела через его индивидуальные свойства. Судебные антропологи отыскивают телесные особенности биологического и химического характера, составляя достаточно подробную историю прожитой жизни, которую затем можно совместить с материальными следами, оставленными человеком в прошлом. Иными словами, мы

ищем ключи к нарративу, закодированному в каждом теле, врожденному и приобретенному, простирающемуся от рождения до смерти.

С биологической, более приземленной точки зрения, человека в целом можно описать как крупное скопление саморегулируемых клеток. Хотя гистология, изучающая клеточное строение растительных и животных тканей, а также цикл жизни клетки никогда меня особо не интересовали – в них задействованы слишком сложные биохимические процессы, которые мой слабенький мозг оказался не способен охватить, да и ладно, – надо признать, что клетка – это базовый строительный блок любого живого организма. Поэтому если смерть считается ответственной за прекращение его земного существования, то она должна наступить для каждой из его клеток. Анатомы знают, что смерть начинается в клетке, распространяется на ткань, далее на орган и систему органов. Получается, что – нравится нам это или нет, – все начинается с клетки и заканчивается ей. Смерть может быть единым событием для организма в целом, но для его клеток – это процесс, и поняв, как он развивается, мы будем больше знать о жизненном цикле строительных блоков организма. Не переключайтесь – я постараюсь рассказывать так, чтобы не было скучно.

Каждое человеческое существо возникает в результате слияния двух отдельных клеток, которые затем начинают делиться – на редкость скромное начало, из какого-то крошеч-

ного белкового пузырька. Через сорок недель *in utero* эти две клетки, пройдя через удивительные превращения, достигают числа более 26 миллиардов. С учетом грандиозных темпов роста плода и специализации его отдельных элементов, требуется невероятных масштабов планирование, чтобы все прошло, как надо, и, к счастью, обычно все так и получается. К моменту, когда ребенок становится взрослым, количество клеток в его организме переваливает за 50 триллионов, и они подразделяются примерно на 250 типов, формирующих четыре основных вида тканей – эпителиальную, соединительную, мышечную и нервную, у каждой из которых есть свои подвиды. Ткани, в свою очередь, организуются примерно в семьдесят восемь разных органов, делящихся на тринадцать основных систем и семь групп. Любопытно, что при этом только пять органов считаются жизненно необходимыми: это сердце, мозг, легкие, почки и печень.

Каждый день в нашем организме умирает 300 миллионов клеток, 5 миллионов в секунду, большинство из которых просто замещается другими. Наши тела запрограммированы так, чтобы знать, какие клетки заменять, когда и каким образом, и, в целом, неплохо с этим справляются. Каждая клетка, ткань или орган имеют свою прогнозируемую продолжительность жизни, которая служит чем-то наподобие срока годности в супермаркете, с датой «употребить до». По иронии судьбы, те клетки, с которых все начинается, живут короче всего: сперматозоиды сохраняются каких-то три-пять дней

после выработки. Клетки кожи живут две-три недели, а красные кровяные тельца – три-четыре месяца. Неудивительно поэтому, что ткани и органы живут и работают дольше: печени нужен целый год, чтобы в ней сменились все клетки, а скелету – пятнадцать лет.

Оптимистическая убежденность в том, что раз наши клетки регулярно обновляются, то и мы каждое десятилетие превращаемся физически чуть ли не в нового человека, конечно, иллюзорна. Корнями она уходит в знаменитый парадокс Тесея – если все составные части исходного объекта были заменены, остается ли он тем же самым объектом? Только представьте, что будет, если выступить с этим казуистическим аргументом в суде! Так и вижу пожилого солидного адвоката, защищающего убийцу: «Но Ваша Честь, жена моего клиента умерла пятнадцать лет назад, поэтому даже если он ее и убил, то с тех пор стал совершенно другим человеком, потому что все тогдашние клетки у него в организме уже умерли и сменились новыми. Человек, стоящий перед вами, не мог присутствовать на месте преступления, потому что тогда его попросту не существовало».

Не думаю, что суду можно и правда выдвинуть подобный аргумент, но, случись такое, я с удовольствием выступила бы на стороне обвинения. Очень забавно было бы потягаться с адвокатом в метафизическом споре. Он, однако, поднимает неизбежный вопрос: сколько замен может выдержать биологическая единица, оставаясь все тем же индивидуумом

и сохраняя прослеживаемую идентичность? Вспомните, к примеру, какие трансформации произошли в ходе жизни с Майклом Джексонem. Мало что от юной звезды «Пятерки Джексонев» осталось во взрослом человеке, изменившемся до неузнаваемости, однако имелись и другие составляющие, которые сохранились и продолжали определять его физическую идентичность. Именно такие составляющие мы и стараемся отыскать.

В наших телах есть как минимум четыре типа клеток, которые никогда не заменяются и живут столько же, сколько мы сами – технически, даже дольше, поскольку формируются еще до нашего рождения. Пожалуй, эти клетки можно привести в пример как свидетельство нашего телесного биологического постоянства в споре с вышеупомянутым адвокатом. К таким клеткам относятся нейроны нервной системы, небольшой костный пяточек в основании черепа – так называемая слуховая капсула, эмаль зубов и хрусталик глаза. Зубы и хрусталик постоянны лишь наполовину, поскольку их можно удалить и заменить современными имплантатами, несколько не навредив при этом хозяину. Однако другие два типа незаменимы и потому действительно индивидуальны; они хранятся в нашем теле как неопровержимое свидетельство биологической идентичности, возникая еще до рождения и распадаясь уже после смерти.

Наши нейроны, или нервные клетки, формируются на очень ранней стадии внутриутробного развития, и к моменту

появления на свет их у нас ровно столько, сколько отводится организму на всю жизнь. Их аксоны, напоминающие длинные распростертые руки, расходятся в стороны, словно дорожная сеть, обеспечивая движение с севера на юг и обратно. На юг по ним перемещаются моторные команды от мозга к мышцам, а обратно, на север, сенсорная информация от нашей кожи и других рецепторов. Самые длинные передают болевые и прочие ощущения вдоль всего тела, от кончиков пальцев на ногах по самим ногам до спины, дальше по позвоночнику, в мозг и, наконец, на его сенсорную кору, расположенную в области макушки. Если в вас 180 сантиметров роста, каждый такой нейрон может достигать почти двух метров. Поэтому, ударившись пальцем ноги об угол кровати, мы какое-то мгновение не чувствуем боли – это сигнал бежит к мозгу по нервам, – и только потом издаем громкое «ай», осознавая, что произошло.

Наличие этих клеток в мозгу поднимает любопытный вопрос о том, не являются ли именно они носителями нашей идентичности. Вполне возможно, что коммуникацию между ними можно расшифровать, поняв тем самым, как мы думаем, и как осуществляются высшие функции памяти и мышления. Современные исследования показывают, что с помощью флуоресцентных окрашенных белков можно запечатлеть формирование памяти на уровне отдельного синапса. Практическое применение этих знаний пока выглядит чресчур фантастично, хотя я рискну предположить, что пони-

мание принципов работы нейрона может лечь в основу системы распознавания человеческой личности уже в скором будущем.

Второй участок, где клетки не обновляются – это слуховая капсула, расположенная глубоко внутри мозга, вокруг внутреннего уха. Это часть отвердевшей кости, образующей улитку уха, орган слуха, и полукруглые каналы вестибулярного аппарата. Внутреннее ухо формируется еще у эмбриона и имеет сразу тот же размер, который останется у взрослого; оно не растет и не изменяется благодаря активному продуцированию остеопротегерина, базового гликопротеина, подавляющего рост костной ткани. Если бы оно могло расти, у нас сильно страдали бы функции и слуха, и равновесия. Хотя уже у младенца слуховая капсула имеет свой взрослый размер, на самом деле она совсем крошечная, объемом не более 200 микролитров – это примерно четыре капли. Клетки, содержащиеся в этой маленькой косточке, уже дают нам возможность составить представление об идентичности ее обладателя.

Чтобы понять, насколько ценен каждый вид клеток для идентификации, надо разобраться, как они формируются – в костях, мышцах или гладкой оболочке внутренностей. На базовом уровне каждая клетка нашего тела состоит из химических элементов. Их формирование, жизнь и репликация зависят от поставки строительных блоков, источника энергии, обеспечивающей их существование, и от вывода отхо-

дов жизнедеятельности. Главное отверстие в нашем организме, через которое в него поступают эти строительные блоки, это рот, откуда они, через желудок, добираются до кишечника – нашего перерабатывающего завода. Получается, что все компоненты для любой клетки, ткани или органа, мы получаем исключительно из того, что потребляем. В буквальном смысле, мы то, что мы едим. Питание, таким образом, необходимо для выживания, и знаменитое утверждение, что без воздуха человек живет максимум три минуты, без воды – три дня, а без еды – три недели, пускай и не совсем точно, но весьма близко к истине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.